

Классик без игры

Февральским днем, с вполне достойным сибирским морозцем, подъезжаем на КПП закрытого административно-территориального образования — Северск. Ранее он был известен как Томск-7, и, действительно, от Томска всего в полчаса езды. Нам, сотрудникам ПИР-Центра, предстоит прочитать лекцию и встретиться с коллективом Сибирского химического комбината, расположенного в Северске. Сосредоточенный военный заглядывает в наш микроавтобус: проверка документов на пересечении границы между *открытым* и *закрытым*. Ждем. Долго ждем. И вдруг: «Товарищ, а Ваши паспортные данные с заявкой не совпадают». Сначала даже не понимаем, к кому это обращается неулыбчивый проверяющий: «Роланд Махмутович, а почему это у Вас отчество в заявке неправильное указано?». Оказывается, — это он обращается к самому старшему в нашей группе, послу Тимербаеву... К нашему Роланду Михайловичу. В самом деле, почему «Махмутович», кто это здесь «Махмутович»?

Наш Роланд Михайлович Тимербаев — всегда такой открытый, такой демократичный в поведении. И вот нам кажется, что мы все про него знаем. А выясняется, так, случайно, между делом, что не так-то уж много мы про него и знаем... видите, даже отчество правильное, и то не знаем.

И вот Роланд Михайлович приносит эту рукопись, эти «анекдоты из жизни». Читаю взахлеб: столько фактов — и про ядерное нераспространение, и про музыку, о которых он раньше никогда не писал, не рассказывал... Но вот закрываю рукопись и понимаю: Роланд Михайлович остался верен себе. Столько мельчайших подробностей о людях, которые его окружали, о событиях шести десятков лет... история России... история

международных отношений и дипломатии... а сам он все-таки не раскрывается, предпочитая свои сокровенные мысли оставлять при себе. Разве что в завершающих главках, да и то в основном через стихи своего американского знакомого Ричарда Кершмана, пунктиром указывает читателю на свои жизненные взгляды.

Посол Тимербаев — человек-пароль, то есть его имя стало своеобразным паролем в не столь уж узком кругу специалистов по нераспространению и разоружению по всему миру. (Вообще-то это называется «слава», но думаю, что Роланд Михайлович поморщится от такого определения). Скажешь: «Вам привет от Тимербаева», — и двери кабинетов распахиваются, люди приветливо улыбаются. Последнее — особенно важно: «И ему привет!». «Как там Роланд поживает?» — чуть ли не первый вопрос, который задают визитеру из Москвы, связанному с *нераспространенческим кружком*, в Стэнфорде или в Алма-Ате, в Токио или Вене, разве что ударение в слове *Роланд* кто на первый слог ставит, а кто на последний, в остальном одинаково: такой вопрос никогда не отдает дежурностью, собеседники хотят знать: *как* Роланд поживает, над чем трудится. Добрый пароль — добрая слава.

А какое удовольствие ездить с Роландом Михайловичем в командировки. Но не потому что — *патриарх нераспространения*. Не потому что — один из авторов того договора, который уже около четырех десятков лет цементирует международную безопасность. Не потому что он — ходячая энциклопедия. Как раз наоборот: потому что этому *патриарху*, этому *родоначальнику* режима ядерного нераспространения все интересно, все любопытно: и по количеству вопросов и расспросов — в музее ли Северска (куда нас, конечно же, все-таки пропустили), на улицах Владивостока он даст фору любому самому любознательному студенту. А он и есть студент: каждый день учится, узнает новое, открыт для нового, жаждет нового. Вот вам и патриарх-родоначальник.

Секрет Роланда Михайловича прост. Он не играет в классики, не изображает из себя патриарха. Ему это все очень далеко. Да и скучно. Как далеко, непонятно и неприемлемо, когда рядом с ними псевдоэксперты, тужась, жонглируют громкими именами политиков и т.п.,

к которым они якобы приближены. В этой книге вы найдете много действительно выдающихся или же просто выразительных имен. Но Роланд Михайлович предельно деликатен, говоря о своих взаимоотношениях с этими людьми. Оценки дает, то уважительные, то едкие. Но дистанцию всегда держит. Чинопочитания на дух не переносит (что вряд ли ускорило его собственную карьеру, Впрочем, об этом он не пишет). В общем, головокружение от знакомства с *vip-персонами*, — такого вируса он счастливо избежал. Завидный иммунитет.

Но вот сам Роланд Михайлович оказался для многих источником одного серьезного вируса: *вируса нераспространения*. Очень заразительным оказался его пример. Нынешней российской школы ядерного нераспространения никогда бы не было, ни прояви в самом начале 1990-х гг. посол Тимербаев поразительного энтузиазма, да и поразительной настойчивости. Он заражал нас (тех, кого можно было бы назвать *молодыми специалистами*, если бы не честное признание того факта, что до знакомства с Тимербаевым большинство из нас *специалистами* в этой области, конечно, не были) дискуссиями о том, куда должно идти нераспространение и разоружение, увлекал — иногда в буквальном смысле слова, — ведя за руку и щедро делясь своими знаниями (и, конечно, совсем не только о нераспространении): сначала в походах на калифорнийском Биг Сюре, потом в прогулках по так хорошо ему знакомому Манхэттену (проходя мимо 67-й улицы: «А вот дом, который я покупал для СССР»), в разгар конференции по продлению того *краеугольного* договора, который он частично писал, и наконец, — в Москве, Киеве, Ташкенте... Так что это не только *российская школа*: ученики Тимербаева по всему бывшему СССР, в США, в Европе...

И добрая слава, как и легенды о нем, передаются от учеников к ученикам, и вот начинающая, но подающая большие надежды дипломат-разоруженец из Болгарии чуть ли не выпрыгивает из маленького, ползущего в гору над Монтре поезда: «Постойте, здесь же посол Тимербаев обсуждал окончательную формулу статьи III Договора о нераспространении! Непременно надо выйти, сфотографировать!»

Роланд Михайлович Тимербаев — *настоящий* учитель: доброжелательный и требовательный. Не позволяет ставить планку низко. Когда в 1994 г. на Пушкинской площади в здании «Московских новостей», я вместе с небольшим кружком товарищей и единомышленников (Вадим Козюлин, Дмитрий Евстафьев, Ильдар Ахтамзян) *клепал*, действительно, *клепал*, тогда еще очень кустарно, хотя уже и зараженный *нераспространенческим вирусом*, пилотный номер журнала «Ядерный Контроль», главным нашим «ОТК», самым строгим судьей был посол Тимербаев. Вспоминаю, с каким трепетом мы направляли ему гранки... Ведь мы знали, с какой высочайшей требовательностью он подходит к собственным текстам: педантично вычитывает, выверяет, не допуская и не пропуская ни сбившейся сноски, ни опечатки. Он и ученый, он и корректор. Как бы сделать так, чтобы каждый начинающий ученый перенял у Роланда Михайловича хотя бы частичку такой скрупулезности и требовательности к себе, умения работать с архивными документами, культуры работы с текстами, умения слушать собеседника.

Таков и этот текст — избранные *анекдоты из жизни*. Выверенный, вычищенный автором до блеска. Вообще-то равнодушный к поздравлениям, словословиям и подаркам, Роланд Михайлович — так вот выходит — сам себе сделал этот подарок к 80-летию, написав и подготовив к печати эту книгу. А нам, пировцам, ученикам, остается только не испортить ее банальностью подарочной упаковки, совершенно здесь неуместной.

Владимир Орлов